

Комм. прав. - 1996. - 13 авг.
Тимур Киби́ров: е.5.

Если поэт стал жить хуже бывшего секретаря обкома, это еще не означает гибели литературы

До перестройки Тимур Киби́ров был известен лишь в среде малочисленного культурного авангарда. Нынче Киби́ров «в цене»: его печатают, о его стихах спорят. Киби́ровские стихи – это не игра со словом, а скорее с сочетаниями слов, ставшими штампом. Вот таким образом удастся ему отразить действительность со всеми ее радостями и гадостями.

Сначала – стихи:

*В укусной жижице,
в мутной водице,
в юшке пельменной,
в стакане твоём
все отражается,
все золотится...
Ах, эти лица... А там,
за стеклом,
Улица движется, дышит
столица.
Ах, эти лица, ах, эти лица,
кроличьи шапки, петлицы
с гербом.*

– Вы недавно вернулись из Америки. Поэт в России, как известно, больше чем поэт... А каково поэту там?

– При советской власти у нас поэт был баловень, любимец, обеспеченный не хуже секретаря обкома, если выпускались большие тиражи. На Западе – он человек с более чем скромным положением, который зачастую ничего не получает за стихи, вынужденный заниматься преподаванием чаще всего. Материально нынешние наши поэты стали жить куда как скромно. Но любовь и интерес к этой деятельности у нас все-таки куда больше, чем в Америке. Это можно рассматривать как некоторую отсталость – есть такие мнения: мол, пойдем по цивилизованному пути и все это отомрет. А может быть, это специфика нашей культуры – особое отношение к слову.

– Существуют две разные точки зрения в критике: с од-

ной стороны, литература гибнет, с другой стороны, набирает ход.

– Все в порядке с литературой. Не то чтобы особый расцвет, но есть что читать. Многое мне совсем не нравится, но это живая, особая поэзия. И те, кто говорит «гибель литературы», думают, «как хорошо жилось, как мы сидели в ресторане ЦДЛ». Конечно, все это хорошо, я бы и сам не отказался так жить, но за свободу надо платить. Как говорит поэт Сережа Гандлевский: «Самые большие тиражи были в 37-м году – залюбуешься, какие были книжки». И вообще мы долго говорили о духовности и бескорыстии нашей интеллигенции – пора бы уж и показать, что мы на самом деле духовны и бескорыстны.

– У вас есть друзья в Америке, но вы сами могли бы уехать надолго? Насовсем?

– Наверное, нет. По массе причин... и не потому что это предательство – человек свободен жить там, где он хочет. Но я слишком тут вырос и не мыслю себя иначе.

– Когда звонишь вам по телефону, слышно, как лает собака, смеется ребенок, жизнь семейная бьет ключом. Семья и быт – что это такое для вас?

– Очень много. Прежде всего потому, что не было устойчивого быта раньше, отец у меня военный, в детстве – с квартиры на квартиру, под солдатскими одеялами, кочуем, каждый раз оставляя какие-то вещи... Во мне поэтического бунтарства и желания воспарять над уютом нет. Если я не общаюсь, у молодых поэтов такой моды на разгульность и богемность, довольно пошлую, нет. Меня она еще преследовала, каюсь.

– И в чем это выражалось?

– Стыдно признаваться, ну... Какое-то такое унылое пьянство, вместо того чтобы учиться. Все это окрашивалось в благородные блоковские тона: «Я пригвожден к трактирной стойке»... Глупо, в общем.

– Помню, тема одного урока у нас была «Культура 90-х» и преподаватель принес машинописную книжечку и читал стихотворение – первое из ваших, которое я узнала, про запахи... «Пахнет пертусином...» Вы сумели поймать этот момент детских болезней с питьем микстуры – сами болели в детстве?

– Да, я помню эти строчки, и не скажу, что был ребенком болезненным, но пертусин действительно глотал, как все... а то, что на уроке меня проходили, – приятно.

Беседовала Елена УХОВА.